

*Инне Веремеенко, чье изящество и женская
хрупкость таят подлинную мудрость*

Глава первая

Князи — в грязи

На завистливый вопрос подруг: «Откуда берутся такие мужики?» — я честно отвечала: — Они валяются на улице.

Своего мужа я действительно нашла на тротуаре. Вернее — на грязной тропинке. В прошлом столетии, десять лет назад, холодной осенью девяносто седьмого года.

Возвращалась поздно вечером. Дождь, слякоть, темнота. Узкая дорожка, по одну сторону глухая стена здания, по другую — ограда детского сада. Противное место, зато путь до дома сокращается на пятнадцать минут. Нео-

жиданное препятствие: на земле сидит мужик. Спиной привалился в дому, ноги вытянул. Конечности у пьянчуги (а кто еще, как не в хлам пьяная зараза?) длиннющие, пятками упирается в забор. Не обойти, а перешагивать боязно. Вдруг очнется, сделает мне подсечку, повалит? Сейчас голова у него на грудь упала, похоже, дрыхнет. Но все равно страшно. Развелось алкоголиков! Ни пройти ни проехать.

Оглянулась назад: возвращаться? Ой, как не хочется. Дождь льет, ноги промокли, зонтик забыла, капюшон куртки не спасает. А почему, собственно, всякой пьяни бояться? Они наклюкаются, спят на дороге, а мы должны обходными путями колесить? Дудки!

— Эй, мужик! — пнула я ногой пьянчугу. — Костыли подбери.

Если он проявит агрессию, успею удрать. Человек, не стоящий на ногах, вряд ли бегаёт лучше меня.

Алкоголик пошевелился, но не ответил.

— Дай дорогу, говорю! — стукнула его носком ботинка посильнее.

— Что? — поднял голову.

Темно, лица не разглядеть. Только видно, что без шапки, голова как лысая, мокрыми волосами облеплена. Вскокивать не собирается.

— Позвольте мне, пожалуйста, пройти, — на всякий случай культурно попросила.

— Перешагивайте, считайте, что я мертвый, — почти внятно проговорил он и снова уронил голову.

Жалость во мне вспыхнула как спички в коробке, одна за другой, по нарастающей. Почему я сразу: пьянчуга, алкоголик? (Первая спичка.) А может, человеку плохо? (Вторая спичка.) Сердце, инфаркт, язва, ангина (Вся коробка занялась)... Нет, ангина — из другой области. При ангине лежат в постели, под теплым одеялом, а не валяются на улице под дождем. Мужчина, кажется, не старый, а больной! Точно — сердце. У нас в классе был мальчишка, верста коломенская, чаще по больницам лежал, чем в школу ходил. Говорили — очень быстро растет, сердце не справляется. Этот тоже немалого роста. Вымахал, а сердце отказывает.

— Вам плохо? — присела я на корточки.

— Очень, — не поднимая головы, ответил.

— Сердце?

Он промычал. Можно расценить как согласие.

— Надо «скорую». Но сюда машина не подойдет, до проезжей части почти километр. Что же делать?

— Идите своей дорогой.

— А вы?

— А я буду умирать.

Спиртным от него, конечно, пахло (при пороке сердца водку глушить!). Но еще отчет-

ливо улавливался запах дорогого лосьона. При близком рассмотрении, хоть и в потемках, я отметила: молодой мужчина, лицо безошибочно указывает на то, что это не алкоголик запущенный, а вполне цивилизный представитель сильного пола. Такого сильного, что на ногах не держится.

— Погодите умирать. У нас медицина передовая. А у вас таблеточки есть? В карманчике? Носите с собой? — Я беззастенчиво шарила по его карманам.

Вывалила содержимое на землю. Связка ключей, пачка сигарет, зажигалка, носовой платок, мелкие монеты — никаких тебе пилюлей. Внутренние карманы. Мужчины самое ценное кладут в те карманы, которых мы не имеем, — на внутренней стороне пиджаков. Расстегиваем ему куртку, ищем, обследуем...

— Девушка, вы меня грабите?

— Ой, дядечка! — В волнении я назвала его «дядечкой», хотя лет больному не намного больше, чем мне. — Вы только подождите бредить, ладно? Черт! Да где же ваши таблетки?

Пухлый бумажник, паспорт, еще какие-то бумаги. Ни намек на лекарства. Телефон сотовый. Престижная вещь, которую может себе позволить далеко не каждый. Как по нему звонить, чтобы сообщить родным о приступе?

Нажимаем верхнюю кнопку, загорелся экран, мигнули слова «батарейка разряжена», экран погас. И сколько еще не давила я на кнопки, телефон оставался мертвым. Все у бедолаги разрядилось: и телефон, и сердце.

Продолжаю обыск. Лезу глубже, ведь на рубашке тоже есть карманчик. Может, он на груди хранит пилюли.

— Шекотно, — дернулся умирающий.

— Вам точно плохо? — настороженно спросила я, отстранившись.

— Хуже не бывает, — горько заверил он.

Наверное, перед концом, в агонии, всякое происходит. Я не медик! Учусь на третьем курсе экономического факультета университета, понятия не имею, как люди с жизнью прощаются. Если по кино судить, то должны слабеть. По кино судить — глупо, любой ребенок знает.

Затолкала его вещи в собственные карманы. Захватила его лицо ладонями, чтобы на меня смотрел прямо (щеки колкие, утром, наверное, брился):

— У нас два варианта. Слышите? Не теряйте сознания, пожалуйста! Дышите глубже. Или на проспект, — я дернула головой в сторону, откуда пришла, — и там вызываем «скорую» из телефона-автомата. Еще найди исправный, — тихо добавила я. — Или транспортирую вас к себе домой. Путь в два раза

короче, и телефон точно работает. Кто принимает решение?

Больной безмолвствовал и смотрел на меня так, будто пришел его последний час и видит он перед собой Смерть, то есть даму в балахоне и с косой. Капюшон куртки, конечно, свалился мне на лоб, но косы-то у меня не было!

— Похоже, решение принимаю я.

— Мрак, — пробормотал сердечник. — Все, отключаюсь.

И действительно отключился. Глаза его закрылись, голова мгновенно потяжелела. У меня было ощущение, что держу в ладонях многокилограммовый арбуз.

— Стойте! — попросила я. — То есть сидите, но не умирайте. Господи! Люди, на помощь! Придите, кто-нибудь! Помогите!

Как же. Людей смыло дождем, унесло в тепленькие квартирки. А человек погибает у меня на руках. Почему у меня-то? Вечно не везет.

Себя потом пожалею. Он дышит? Еще дышит. Значит, потащили к своему дому, что надежнее.

У меня прабабушка на войне служила санитаркой. В восемнадцать лет фигура у бабушки была под стать моей — хрупкая, и рост ниже среднего.

— Бабуля, — спрашивала я в детстве, — как же ты раненых с поля боя таскала? А если он большой и толстый?

— Всякие бывали, — отвечала бабушка. — Легких мужиков не бывает. Один раз полковника эвакуировала. Он случайно на передовой оказался. Из штаба фронта, захотелось пороху понюхать. Сдурел от страха, когда бомбежка началась, не в ту сторону побежал. Ранило всего-то в ляжку, осколком. Наши ребята при таких ранениях сами ползли, а этот — ойкает и верещит. Делать нечего — поволокла. Больше центнера полковник, пузо — как у бегемота. И хоть бы, сволочь, здоровой ногой отталкивался, помогал. Нет, стонет и почему-то не матерится. А у меня последние жилы рвутся.

— Ты бросила бы его, бабушка!

— Раненого? — удивилась она. — И потом, в смысле, когда я его доставила... нет, еще через некоторое время... оказалось, что в штабе фронта он — голова, на троих помноженная.

— Как это?

— Головастый очень. Стратег.. Или тактик? — с сомнением спросила сама себя бабушка. — В общем, операции мой бегемотик разрабатывал такие, что солдат берегли, а фрицам пороху давали. Не то что те, кто бойцов за дрова держал, а не за людей. Он-то мне, — с гордостью похвалилась бабушка, —

потом два ящика американских продуктов прислал и к ордену представил.

Не знаю! Не представляю, как бабушка волокла своего полковника по кочкам и оврагам. Ордена мне не надо! Но, елки-моталки, как тяжелы мужчины! Я его по ровной дорожке протащила метров сто. Сначала за подмышку подхватив, потом за ворот куртки уцепившись... Согнулась в три погибели, сумка через плечо (как у настоящей санитарки), тяну изо всех сил, а двигаюсь с черепашьей скоростью. Так он у меня помрет, до медсанбата, тьфу ты, до больницы не добравшись.

Передышка. Распахнула его куртку, ухо к груди приложила. Сердце, кажется, бьется. Не понять, потому что мое собственное сердце подкатило к горлу и рвется наружу, барабанит в ушах.

В эту минуту мне отчаянно хотелось оказаться дома, в тепле и сухости. Сбросить с себя мокрую одежду, понежиться в теплой благоухающей ванне. Выбраться из нее, когда подруга Майка, потеряв терпение, заявит ультимативно:

— Кисни сколько хочешь, но четвертый раз блинчики я тебе разогреть не стану!

Мы с Майкой снимаем однокомнатную квартиру. Правильнее сказать: снимает Май-

кин папа, оплачивает. Мы из одного города, но прежде друг друга не знали. Майка училась в школе с английским уклоном, а я — в соседней с домом. Обе поступили в столичные вузы. Непостижимым образом Майкин папа меня вычислил, определенно навел справки о моем моральном облике, удовлетворился и предложил поселиться в однокомнатной квартире вместе с его драгоценной доченькой. Вначале я приняла это в штыки. Мама сказала: «Не торопись, посмотришь, за общежитие ведь тоже надо платить, а с деньгами у нас... сама знаешь». Майка оказалась потрясающей девчонкой. Родители ее баловали, баловали и почему-то не избаловали окончательно. Наверное, здоровую натуру нелегко испортить. Майка — пышечка, очень любит вкусно поесть. Страдает из-за своей фигуры, не попадающей под современные стандарты. Я говорю: «Ты вылитая Мэрилин Монро» — и при этом не сильно кривлю душой. Но о Майке речь впереди. Пока же только замечу, что откармливать меня Майка считает своим святым долгом. Да и готовить ей нравится.

Ау, Майка! Где ты? В трехстах метрах и в недостижимой благодати. А я тут, с живым трупом, чтоб он сдох. Нет, нет! Пусть живет. Еще немного протянуть.

Точно полтонны весит.. Тяжесть дикая. У мужчин, наверное, кости из свинца... мышцы из стали... вода в их теле заменена на ртуть... Кто сказал, что человек состоит на восемьдесят процентов из воды? Он не исследовал мужчин. Вдалеке, размыто за струями дождя, показалась фигура. Я вскочила и замахала руками:

— Мужчина! Женщина! Кто вы там? На помощь! Сюда! Ко мне! Спасайте!

Фигура, двигаясь неровно, покачиваясь, приблизилась. Оказалось — нетрезвый мужик. Конечно! Кто сейчас на улице остался? Алкоголики, больные алкоголики и я, несчастная.

— Пожалуйста, помогите! — взмолилась я. — Надо его донести до дома.

— Перебрал твой мужик?

Вдаваться в подробности: это-де не мой муж, а человек, нуждающийся в срочной медицинской помощи — мне представилось лишним. Начнутся расспросы, потеряем время, которое для больного на вес золота. Попросить мужика вызвать «скорую»? Уйдет и поминай как звали. Поэтому я кивнула: мол, да, муж надрался — и повторила просьбу.

— Лады, — согласился алкоголик номер два, — мужскую солидарность еще не отменили. А — так, все отменили: революционные праздники, совесть, бесплатную медицину.

Водки, свободы и порнографии — завались, а радости нет.

— Может, понесем? — прервала я.

— Берем. Ты — за ноги, я — за плечи. Раз-два, подняли. Поехали.

Сердечника мы оторвали от земли сантиметров на пять. То есть практически волочили по лужам. Кроме того, моего нетрезвого помощника шатало из стороны в сторону. Он ковылял спиной по ходу, с «право-лево» у него было плохо. На мои «вправо» он дергался влево и наоборот. Несколько раз врезался в припаркованные автомобили и в стволы деревьев, падал и чертыхался. Мягко сказано — «чертыхался», вы понимаете. В итоге предложила развернуться: я тащу за ноги «мужа», двигаясь спиной вперед, а добрый алкоголик идет лицом.

Дело пошло быстрее. Промокла я насквозь. Верхнюю одежду промочил дождь, нижнюю — пот. У дверей подъезда, как только я их открыла, набрав код замка, и, подхватив ноги сердечника, собралась втиснуться в проем, добрый алкаш завопил:

— Нельзя ногами вперед! Так только покойников...

— Как? Уже?

— Разворачиваем. Я с головой твоего мужика вперед пойду. Заходи слева, в смысле — справа, крутись.